

Михаил Серегин

ДОПИНГ

НА ТРОИХ

ДЕТЕКТИВ ПОД ГРАДУСОМ ^{40°}

ЭКСМО

Детектив под градусом

Михаил Серегин

Алкаш в газете

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Алкаш в газете / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Детектив под градусом)

Профессия – бывший медик, призвание – частный сыщик, хобби – алкоголь. Такова суть Владимира Малькова – большого любителя выпивки и запутанных уголовных дел. Впрочем, состояние легкого опьянения позволяет ему связать одну улику с другой и понять, кто мог совершить преступление. Вот попробуй сообрази на трезвую голову, куда могли исчезнуть пять девушек из ночного клуба «Помпеи»? Тут без стакана не разберешься! Ведь найти красавиц, потерявшихся в мире мужчин, порой бывает очень нелегко...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Серегин

Алкаш в газете

ГЛАВА 1

– Открыто! – заорал я что есть мочи, лежа на диване в гостиной.

В дверь наконец перестали звонить, и по коридору, ведущему от входной двери в зал, послышались шаги. В дверном проеме показалась седая голова моего приятеля, журналиста Леонида Борисова.

– Ты что, теперь свою толстую жопу даже до двери донести не можешь, чтобы впустить гостей? – спросил он.

– А мне лень! – ответил я и, сцедив в свой рот несколько последних капель пива, отшвырнул банку в сторону. – У меня экзистенциальный кризис!.. Кстати, ты выпить что-нибудь принес? – напряженно посмотрел я на Седого. Так звали Борисова за его седую голову.

Он вынул из пакета банку «Хольстена» и швырнул ею в меня. Я поймал банку и удивленно произнес:

– Что, и это все?

Седой скорчил презрительную рожу, залез рукой в пакет и швырнул в меня еще одним «Хольстеном».

– На, подавись!

– Мог бы что-нибудь и покрепче взять... – обиженно сказал я, вскрывая банку.

– Нечего нажираться! Всего-то двенадцать дня! – назидательным тоном сказал Седой. – И вообще, кончай умничать и пугать народ терминами типа «экзистенциальный кризис». Бедняга Дынин после звонка к тебе вчера целый вечер словарь по психиатрии листал, пытаюсь определить, какая болезнь тебя поразила...

– Для этого мента можно перевести это словосочетание как «жизненный кризис». Так и объяснил бы ему...

– Вот, а он думал, что у тебя как минимум маниакально-депрессивный психоз.

– Поэтому он сам не пришел, а прислал тебя, как видного психиатра?

– Нет, я сам... зашел, – смутился Седой. – Узнать, как дела...

– Надоело все! – заявил я, отхлебывая большой глоток пива. – Представляешь, лень даже за выпивкой в магазин спуститься...

– Да ну? – наполнил свои глаза несколько картинным ужасом Седой. – Тогда дело серьезное... Чтобы Мальков бросил пить?!

– Нет, пить я не бросил. Просто лень сходить.

– Все равно это нечто страшное... Слушай, а может быть, тебе жениться? Может быть, у тебя все это на почве хронической сексуальной неудовлетворенности?

Я скептически покачал головой:

– Я вполне удовлетворен. А жениться не могу по чисто экономическим соображениям. Доходы не позволяют одновременно пить дорогие виски и джины и содержать жену. У меня, между прочим, двое детей, которых я кормить должен.

– Да-а, – протянул Седой. – Как представишь, что в твоей квартире шляется каждый день какая-нибудь бабешка и порядки свои наводит... Все переставит, все переложит, потом ничего не найдешь. Вот у меня, например, была... – Седой оживился, оторвав спину от кресла. – Все время что-то перекладывала с места на место, с места на место! И, кроме этого, ни хрена ничего

не делала. Только и слышишь весь день: «Леня! Ленчик! Сделай то, сделай это!» Тьфу, бл... дь, за...бала! А как пожрать попросишь, так она не успела, весь день уборкой занималась. Я после этих уборок даже с помощью нее свои трусы два дня искал! Так что не надо тебе этой всей туфты.

– Ну, может быть, она брала свое в постели? – высказал я предположение. – У каждого ведь свое предназначение...

– Да! – Седой откинулся в кресле и закрыл глаза, предавшись, видимо, воспоминаниям. – Трахались мы с ней славно... Не надо было на ней жениться, надо было ее в любовницах так и оставить. Когда мы с ней просто дружили, она для меня больше делала... Нет, Вова, тебе нужно просто любовницу завести!

Я отмахнулся от него как от назойливой мухи:

– Есть у меня телефоны старых подруг, которым я звоню в случае необходимости...

– Это та виолончелистка из филармонии? – скептически посмотрел на меня Седой. – Так она же всегда на концертах, когда у тебя возникает необходимость! Впрочем, когда у тебя необходимость, они не могут, а когда они могут, тогда у тебя нет ни-ка-ко-го желания! Или дел полно... Так что на баб особой надежды возлагать точно не стоит...

Седой замолчал. Видя, что я разговор не поддерживаю, немного погодя он подал еще одну идею:

– Ну, тогда уйди в запой!

– Я не алкоголик, я просто пьющий, – сказал я.

Седой с сомнением на меня посмотрел и развел руками:

– Тогда я не знаю, что тебе посоветовать! Брось пить вообще и займись каким-нибудь делом.

Я посмотрел на Седого таким взглядом, от которого тот засмутился.

– В этом случае общение с тобой, Леня, делается невыносимым!

– Скажите пожалуйста! – Седой обиделся, встал с кресла и подошел к окну.

После минутного разглядывания волжских просторов за окном он повернулся и решительно сказал:

– Ну, вот что! Работать тебе надо! Ты же врач по профессии! Иди устройся в какую-нибудь больницу...

Я тяжело вздохнул, поднялся, сел на диван и откупорил вторую банку пива:

– Кем идти устраиваться-то? Гинекологом-любителем, что ли? Какой из меня, на х..., врач после стольких лет без практики?!

– Да, действительно, врач ты хреновый, – согласился Седой. – Не дай бог такому попасться... Ты, наверное, пульс будешь в области паха искать!

– Заткнись, умник! При желании пульс можно и в области паха найти. Просто я не хочу работать медиком, это слишком ответственно, малоденжно и, в общем, очень скучно. Я привык пить каждый день. А там какой-нибудь заведующий отделением будет за мной следить... К тому же тебе хорошо известно, что последние годы я зарабатываю себе на жизнь совсем другим делом. Но вот уже четыре месяца у меня нет никаких заказов как у частного детектива...

– Как это не было! – возмутился Седой. – Я же тебе предлагал бабку, которой надо было найти собаку! Ты же отказался и не стал этим заниматься! Ты же у нас великий!

– Я не великий, – парировал я. – Просто искать ее собачонку я считал делом совершенно бессмысленным. Что я, мальчик, чтобы за ней бегать по городу?

– Ты не бегай, а используй свои методы и вычисли место, где она находится...

– Тьфу, е...! – кончилось у меня терпение. – Я что, телепат или экстрасенс? Как я тебе вычислю местонахождение – по фотографии собаки, что ли?

– Но тебе же пьяному приходят видения во сне, на основании которых ты и вычисляешь всех убийц и воров!

Сегодня Седой, видимо, решил меня достать.

– Сколько можно объяснять?! – вскричал я. – Все эти видения – это плод работы моего ума. Просто открытия ко мне приходят именно таким образом. В трезвом состоянии ум укреплен и не в состоянии просчитать всю информацию, которая у меня имеется. Когда же я выпиваю, а особенно когда выпиваю много, то ум освобождается от оков сознания, спокойно считывает ту информацию, которая накопилась в мозгу, и выдает правильное решение. Кто-то из великих сказал, что наш ум более проницателен, нежели последователен, и охватывает больше того, что может объяснить. Так вот, в состоянии опьянения мой ум дает то, что не может объяснить в трезвом состоянии...

– Хватит этих лекций! – ворчливо сказал Седой. – Тогда регистрируйся как частный детектив, получай лицензию, открывай офис. Будешь сидеть в кабинете как Филипп Марлоу, попивать свой джин, а к тебе на прием будут ходить всякие расфуфыренные дамочки.

– Ага! Чтобы следить за их мужьями... Или наоборот, придут их мужья, требующие определить, с кем из его друзей спит его дражайшая половина. Блестящее применение моим способностям! Ты же знаешь, что оперативник из меня никакой. Для этих целей есть Дынин и ты.

– Ну, спасибо, всю жизнь мечтал быть мальчиком на побегушках у знаменитого детектива, – сказал Седой и отвесил мне поклон. – Может, еще за пивком сбегать? – Седой принял угодливую позу.

– Это еще не выпили, – равнодушно ответил я. – Между прочим, твое ерничанье не имеет под собой серьезного основания. От каждого проведенного мною дела дивиденды получали все – Дынин получал благодарности от начальства и повышение в звании, а ты писал разгромные статьи. А иногда и получал материальное вознаграждение.

– Ладно, ладно! Я разве что говорю?! – примирительно сказал Седой. – Кстати, о статьях... – вдруг задумчиво произнес он. – Не хочешь ли ты сам заняться?

– В каком смысле? Писать о наркомафии и организованной преступности?

– Нет, – усмехнулся Седой. – Для этого у нас есть более крутые люди. Я вчера говорил с редактором, он мне вскользь бросил фразу о том, что в нашей газетенке необходим медицинский колумнист.

– Это как? – поразился я.

– Ну, будешь вести регулярно колонку на медицинскую тему...

– И что в ней писать?

– Осенью и весной будешь советовать людям беречься от насморка и гриппа, летом будешь рекомендовать новые средства от загара и солнечных ударов, зимой – как не получить обморожение, если заснул пьяным на льду.

– Понятно. Веселуха еще та...

– Но это ведь хоть какое-то дело! – возмутился Седой. – Ты вот здесь сидишь и пиво сосешь.

– Я лежу! – возразил я.

– Тем более! Скоро уже больше центнера весить будешь... А так хоть развеешься, с людьми пообщаешься. А люди у нас там, – Седой закатил глаза, – интересные до жути! Необъятное поле для психиатров и любителей созерцания жизни. Если я буду писать мемуары, боюсь, что идиотам от газетного мира придется посвятить как минимум треть книги!

– Заманчивое предложение, черт возьми! Мне вообще нравится сегодняшняя профилактика моей психики в твоём исполнении. Сначала что-то предложит, а потом тут же отвергает, говоря, что это мне не подходит. Приглашает на работу, пообщаться с коллективом, и потом сам же говорит, что там одни ненормальные.

– Нет, люди они хорошие, интересные, – возразил Седой. – Я думаю, тебе там понравится. Работа, конечно, не очень денежная, но я думаю, для тебя это не главное. Так что давай, соглашайся!

– Ну, уговорил, – сказал я, вставая с дивана. – Пойдем пожрем что-нибудь.

Седой протянул мне пакет и сказал:

– Вот тебе продукты, иди стготовь что-нибудь, а я пока своему главному позвоню, чтобы вакансию за тобой забить.

И, взяв трубку радиотелефона, Борисов решительно пошел вместе со мной на кухню.

– Алле, Василий Борисович? Это я, Леонид. Ты мне сегодня говорил насчет колумниста – так я нашел тебе новую рубрику и человека, который будет ее вести... Какую? Медицинскую... В нашей газете в самый раз. Нет, я не шучу. Есть медик по профессии, сейчас без работы... Но, по крайней мере, медицинскую рубрику он может вполне, – Седой посмотрел на меня с усмешкой. – ...Нет, ему много не надо. Его согласие я получил... Хорошо, договорились, завтра я его привожу. – Седой попрощался с редактором и положил трубку на стол. – В общем, завтра к трем часам подруливай к Дому печати на набережной, – сказал он. – Шестой этаж, я сижу в шестьсот пятом кабинете. При входе вахтеру назовешь мою фамилию.

Я кивнул и поставил на стол яичницу с беконом. Вскрыв две банки джина с тоником, которые были припасены в холодильнике, мы приступили к трапезе.

– Слушай, а у меня получится? – спросил я. – Я ведь никогда ничего не писал.

– Все у тебя получится, – ответил Седой, запихивая в рот большой кусок яичницы. – Во-первых, работа колумниста, особенно тематического, не предполагает журналистику как таковую. Это скорее работа узкого специалиста, который пишет о том, чего другие не знают. Главное, чтобы мысли были изложены ясно. А во-вторых, – Седой пережевал кусок яичницы, – в журналистику вообще идут те, кто не нашел своего места в жизни. Иными словами, всякий сброд. Работа журналистом же окончательно превращает их в инвалидов умственного труда. Это как в жизни – один умеет излагать свои мысли красиво, другой – однообразно. Но в газетах пишут и те и другие.

– А как же талант писателя?

– Писатель – одно, а журналист – другое. Написать книгу может не каждый, а написать статью – практически любой. В космонавты же не всех берут, а в автомобилисты практически всех, даже инвалидов. Так что журналист – не профессия, а скорее стиль жизни, – закончил Седой.

– Спасибо, Леня! Просветил, – сказал я, приканчивая свою яичницу. – Значит, я с завтрашнего дня могу причислять себя к тому сброду, который занимается журналистикой?

– Угу, – не прекращая жевать, буркнул Седой. – Но ты особенно-то не огорчайся. Я вот, например, давно к этому сброду принадлежу – и ничего, живу... Порой даже весело.

– Вот давай за это и выпьем! – сказал я, поднимая баночку с джином. – За веселую жизнь.

– Поехали! – сказал Седой и залил в себя джин.

После обеда Борисов откланялся, напомнив мне, что завтра я должен быть как штык в три часа у него в кабинете.

Остаток дня я провел в размышлениях о целесообразности этого шага. Я же все-таки уже не мальчик, чтобы начинать заниматься чем-то новым, неизвестным, к тому же тем, к чему меня никогда в жизни не тянуло. Но я уже настолько утомился от зимнего сидения дома, что попасть в новую среду, пусть и незнакомую, для меня все же было несомненно полезно. В конце концов, я же оставляю за собой право в случае чего покинуть работу, хлопнув дверью... Ради справедливости надо бы сказать, что в своей жизни я делал это несколько чаще, чем нужно.

И все же в конце вечера я однозначно решил, что попробовать силы в новом деле и проветриться для меня будет полезно. В конце концов, работа детектива, которой я зарабатывал на жизнь в последние годы, когда-то тоже была новым делом. Никто и представить себе не мог, что такой обычный человек, как я, в чем-то даже ленивый, мог достичь на этом поприще определенных успехов.

Я вспомнил, как проходили мои первые дела. Все начиналось с расследования каких-то малых, на первый взгляд незначительных эпизодов и заканчивалось громкими разоблачениями, такими как обнаружение подпольной типографии фальшивых денег, раскрытие сети пиццерий, где в пиццу подмешивали наркотики... Немало убийц понесло заслуженное наказание. И с не меньшего количества людей, незаслуженно обвиняемых, были сняты обвинения. Кто бы мог подумать, что такой домосед, как я, добровольно выберет экстремальный вид деятельности.

На этой мажорной ноте своих воспоминаний о славном прошлом я и погрузился в сон.

Утро следующего дня было обычным. Май вовсю царствовал в нашем городе, и волжские берега снова окрашивались зеленью, маня в свои объятия дачников. То, что свидание вольных землепашцев со своими любимыми забавами состоялось, было видно по их красным физиономиям и скованным движениям. Похоже, эта новая популяция российских граждан в прошедшее воскресенье неслабо потрудились на высаживании картошки. Поэтому отвыкшие за зиму от физической нагрузки мышцы болели, а кожа была обожжена активным майским солнцем.

Никогда не понимал этого идиотского увлечения дачами! Если когда-нибудь я и ездил туда, то только для того, чтобы выпить с товарищами ящик пива или чего покрепче.

Неспешно сделав все привычные для себя утренние процедуры, как-то: умывание, завтрак, читка газет и просмотр утренних новостей по спортивному телеканалу, – я вышел в половине третьего из дома и пешком направился к Дому печати. Через двадцать минут я очутился возле восьмиэтажного современного стеклянно-бетонного здания, которое в советские времена называлось «Советский пропагандист». Сейчас же оно гордо именовалось издательством «Дело».

Войдя в вестибюль, я, по обыкновению не замечая вахтеров, направился внутрь помещения. Вахтерша, которая в этот момент приканчивала свой обед, решила не портить себе аппетит дурацкими вопросами о том, куда и зачем я направляюсь, и проигнорировала мое появление в стенах здания.

Поднявшись на лифте на шестой этаж, я быстренько отыскал комнату шестьсот пять и, постучав, зашел внутрь. В принципе, я мог и не стучать, так как в комнате был лишь один Седой. Он занимал один из двух столов, стоящих у окна. Всего же в кабинете насчитывалось три рабочих места. В момент моего появления в кабинете Борисов активно стучал пальцами по клавиатуре компьютера, набивая, видимо, свою очередную журналистскую нетленку.

Заметив меня, Седой кивнул головой на стоящее рядом с ним кресло и сказал:

– Посиди пока... Мне надо срочно материал добить в верстку, а то меня уже целый час Савраскин за яйца дергает.

Я уселся в кресло и, оглядевшись, заметил на столе рядом с собой список сотрудников газеты «Горячая Волга». Фамилию Савраскина я нашел напротив должности, которая называлась ответственный секретарь.

– А что, в функции ответственного секретаря входит стимуляция сотрудников к работе таким варварским способом? – спросил я.

– Угу, – ответил Седой, не отрываясь от работы. – И еще он целыми днями должен изображать из себя человека, на котором в газете держится все.

– Это на самом деле так?

Седой бросил на меня мельком насмешливый взгляд и сказал:

– К счастью, далеко не так. Иначе здесь бы все давно рухнуло. А впрочем, – Седой, видимо, вспомнил, что перед ним сидит начинающий журналист, и заговорил более серьезно. – Ответственный секретарь вообще должен делать газету. Он отвечает за размещение всех газетных текстов по полосам, на так называемых оригинал-макетах.

– Как это?

– Ну, скажем, вот эту статью о развитии паркового хозяйства в нашем городе я отнесу ему, – Седой ткнул пальцем в компьютер, – а он уже даст распоряжение верстальщикам, каким кеглем ее поставить.

– Куда поставить? И как понимать «поставить кеглем»?

– Статью поставить в полосу. А кегль, попросту говоря, шрифт определенного размера. В общем, потом все объясню. – Седой повернулся снова к компьютеру и затарахтел пальцами по клавиатуре.

– А верстальщики ставят, значит, эту статью, как он скажет?

– Угу. Но на самом деле верстальщики ставят так, как она поставится, – пробубнил Седой, продолжая стучать клавишами.

– А они что, его как бы не слушаются, что ли?

– Слушаются.

– А почему же тогда не ставят?

– Потому что не ставится!

– А почему не ставится?

– Да потому что этот мудака вечно рисует такие хреновые оригинал-макеты, в которых ничего не ставится! – не выдержал Седой. – А рисует он такие оригинал-макеты потому, что не знает, какие ему принесут материалы! А материалы ему приносят в последний момент, потому что их часто поздно заказывают и вообще постоянно меняют одно на другое! А меняют потому, что это работа редактора – постоянно что-то менять, причем тоже в последний момент!

– А почему все делается в последний момент?

Седой так удивился, что перестал стучать по клавишам и повернулся ко мне.

– Как почему? Потому что это газета!

В этот момент, иллюстрируя все вышесказанное, в кабинет заглянул невысокий худощавый мужчина с интеллигентной бородкой, в очках и крайне раздраженным тоном обратился к Седому:

– Так, у тебя готово?

– Нет, – ответил Седой. – Осталось несколько строк, потом последняя читка.

– Сколько можно? – взвился бородатый. – Мне нужна небольшая заметка в подвал третьей полосы, а ты пишешь ее уже час! Ты что там – историю парков расписываешь по полной программе? Вечно чикаешься!

– А ты бы еще за полчаса до выхода газеты мне заказывал! – парировал Седой. – Откуда я знал, что у тебя дыра на третьей полосе?

– А я откуда знал, что Капитонова напишет такой дуст, что его придется снять и править целую неделю?

– Ну и поставил бы туда какой-нибудь гороскоп.

Савраскин, а по всему видать, это он и был, отчаянно вздохнул и закрутился на одном месте:

– По-твоему, у нас на каждой полосе должен быть гороскоп?! У нас на шестнадцатой уже есть один.

– Ну, тогда поместил бы советы для новобрачных или какие-нибудь тесты на импотенцию... И вообще, если ты оставишь меня в покое, через десять минут получишь материал.

И Седой отвернулся к компьютеру. Савраскин сверкнул глазами и вышел из кабинета, оставив в воздухе наэлектризованную атмосферу. Я решил помолчать до того времени, пока Леонид не закончит свою статью, поскольку в этой ситуации вполне мог оказаться крайним со своими неуместными вопросами.

Через десять минут Седой закончил свою заметку, пробежался по тексту глазами, вынул дискету из компьютера и бросил мне на ходу:

– Сиди здесь. Если придет Капитонова, скажи ей, что она полная жопа и при этом моя должница.

Я подумал, что для высказывания столь категоричных суждений я должен знать женщину хотя бы в лицо, однако заметить этого Седому не успел. Он стремительно вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Через пятнадцать минут, в течение которых никто в кабинете не появился, вернулся Седой. Он плюхнулся в свое кресло и устало спросил:

– Ну, что у тебя?... Ах, да! – тут же вспомнил он о цели моего визита. – Пошли. Главный, видимо, уже приехал с обеда.

Мы отправились по коридору к двери, на которой было написано: «Главный редактор». За столом в крохотной приемной сидела секретарша, которая ела яблоко и читала газету.

– Приятного аппетита, Ирочка, – сказал Седой. – Василий Борисович у себя?

– Нет еще... Обедают-с... Сиди жди.

Седой, видимо, терпеть не мог никакого рода отказов и тут же съязвил:

– А ты по-прежнему на диете?

Ирочка не осталась в долгу и с ехидной улыбкой заметила:

– Не твое дело, Ленчик!

– Может быть, мы в коридоре подождем? – предложил я, пока разговор не стал более напряженным.

Седой, с улыбкой глядя на секретаршу, кивнул мне.

– Ирочка, мы в коридоре пока покурим... Как только главный приедет – мы к нему первые.

Но секретарша уже выпустила Седого из зоны своего внимания, уткнувшись в газету.

ГЛАВА 2

Мы встали с Седым у окна и закурили. Судя по стоящей на подоконнике пустой пивной банке, используемой в качестве пепельницы, это было постоянное место курильщиков. По длинному коридору редакции туда-сюда сновали сотрудники газеты.

– Может быть, ты начнешь меня потихонечку знакомить с коллективом? – обратился я к Седому с предложением.

– На сегодня у нас главное знакомство – с редактором, – парировал хмурый Седой. – С остальными ты еще успеешь познакомиться. Впрочем, почему бы и нет...

И Борисов принялся рассказывать о том, где сидит секретариат, в состав которого входят верстальщики, корректоры и наборщики. В пяти комнатах сидели журналисты, еще четыре кабинета занимало руководство газеты. К нему относились главный редактор, два его заместителя и коммерческий директор. Кроме того, была еще небольшая комната, в которой располагалась бухгалтерия.

– А я где буду сидеть?

– А зачем тебе сидеть? Будешь приходить, сдавать материал раз в неделю – и все. Ну, если тебе очень хочется, сядешь в нашей комнате, у нас есть так называемый «дежурный стол».

В этот момент двери лифта прямо напротив кабинета редактора раскрылись, и из них вышел сутулый молодой мужчина в очках и с большим «дипломатом» в руке. «В таком очень удобно носить коньяк или шампанское», – сразу подумал я. Он подошел к нам и поздоровался.

– Здравствуй, Леонид, – произнес он картаво-булькающим голосом.

– Здорово, Евгеша, – ответил Борисов, сидя на подоконнике и болтая ногами.

– Скажи, пожалуйста, Гармошкин у себя?

– У себя дома. Обедают-с...

– Когда ожидаются?

– С минуты на минуту. А у тебя что – дело к нему? Должен тебя предупредить, что мы первые.

– Надеюсь, за вами занимать можно? – посмотрел на нас уже поверх очков лукавым взглядом человек, которого Седой ласково назвал Евгешей.

– Можно, мы ненадолго... А ты что от него хочешь-то?

– Мне необходимо с ним поговорить об одном проекте.

– А-а! – оживился Седой. – Как же, слышали... Это та самая веселая газетка «Эпитафия», испещренная списками самых свежих покойников нашего города и сопроводительной информацией о самом процессе перехода в мир иной?

– А откуда ты знаешь? – снова задрал голову собеседник Седого.

– Как откуда?! Ты же уже четыре газеты обошел с этим проектом, пока к нам не заявился!

Об этом проекте уже полгорода говорит.

– Да, действительно, идея хорошая, – согласился Евгений. – Создать газету, где можно было бы публиковать подбор информации, с помощью которой человек мог бы более грамотно подготовиться к своему уходу из этого мира...

– Я понял тебя, понял, – оборвал его Седой. – Газета для неугомонных оптимистов, для тех, у кого оптимизм как повышенное артериальное давление. Почитал с утра газетку от корки до корки и привел свое здоровье в норму... Я вообще, наблюдая за теми газетенками, которые ты издавал, а после этого благополучно пропил, пришел к выводу, что по ним можно проследить весь твой жизненный путь. Сначала была газета для детей, называвшаяся «Недоросль», где ты советовал детишкам, как им лучше провести время вне школы... Бедные учителя и родители еще терпели, когда ты публиковал конструкции новых рогаток и арбалетов, но зароптали, когда ты стал публиковать статьи по сексуальному воспитанию. Апофеозом же послужил

рецепт изготовления бомбы, которую ты почему-то назвал петардой... Смышленные недоросли, взорвав пару стульев под задами своих любимых учительниц, поставили таким образом крест на твоей газете, которую после этого тут же прикрыли.

– Что касается курса сексуального воспитания, то родители роптали, потому что сами многое для себя открыли, прочитав мои публикации, – возразил Чуев. – А насчет бомбы, так это сволочь Алешечкин подложил мне подянку. Я-то ведь не пиротехник, а для него что бомба, что петарда – все едино.

– Конечно, – с ехидцей произнес Седой. – Для твоего выдающегося ответственного секретаря детской газеты Алешечкина, имевшего три судимости за изнасилование, действительно все едино.

– Между прочим, он хороший ответственный секретарь. Ты зря так.

– Да бог с тобой! Я и не спорю. Он непотопляем... Видимо, после этой неудачи вы с ним и кинулись во многопрофильный проект под названием «Зеленый змий», одной из составных частей которого, правда, не самой главной, была одноименная газета для пьющих людей, – сказал Седой.

– А что, есть такая газета? – спросил я.

– В том-то и дело, что была... Проект провалился из-за таких, как ты, – ответил Седой.

– Почему? – обиделся я. – Я вот пьющий, и с удовольствием мог бы ее читать.

– То-то и оно, что мог бы! Пьющие, как правило, газет не читают!

– Дело в том, что малопьющие читают что-нибудь посolidнее, а сильно пьющие – вообще не читают, – заметил Чуев. – А наша газета была для умеренно пьющих.

– Ну, таких в России почти нет! – решительно заявил Седой.

Я и Чуев молчаливо согласились с этим мнением.

– Потом у Евгеша было еще несколько проектов газет для деловых людей, – продолжил Седой, – но вся беда в том, что деловым людям не очень нравились эти газеты. Потом еще была газетенка под названием «Секс с Евой». Но то ли читатели уже пресытились и многое узнали за годы реформ об этом достойном занятии, то ли сексуальная мощь издателей пошла на убыль, газетка получилась квелой и вульгарной, прямо как пенис пенсионера... И вот, наконец, Евгений Чуев подумал о душе... Bravo, Евгеша! Достойное завершение карьеры газетного издателя!

– Я устал слушать это безобразное огульное охаивание, представленное в виде лекции о новейшей истории местной журналистики, – помпезно отреагировал Чуев. – Поэтому позвольте мне откланяться.

Чуев взял свой «дипломат» с подоконника и с обиженным видом направился в глубь коридора. При этом я интуитивно почувствовал, что в «дипломате» наверняка находится бутылка коньяка.

Тут из дверей, находящихся рядом с кабинетом главного редактора, вышел высокий мужчина лет тридцати пяти – сорока. Он был очень худ и, можно даже сказать, костляв. На мужчине был аккуратный костюм-тройка нежно-серого цвета, который несколько дисгармонировал с его всклокоченной шевелюрой.

Засунув под мышку кожаную папку, мужчина закрыл за собой дверь и, сверкнув в нашу сторону стеклами очков, неспешно направился по коридору.

– Александр, можно вас на минуточку? – окликнул его Чуев и устремился к нему.

Мужчина остановился и дал Чуеву себя догнать. Тот энергично заговорил с ним о чем-то в своей неспешно-булькающей манере. Мужчина посмотрел на ключи в своей руке, потом в глубь коридора, после чего что-то тихо и вежливо ответил Чуеву и отправился своей дорогой. Чуев, однако, не отставал, оббегая своего собеседника то с одной, то с другой стороны. Так они оба скрылись в туалете.

– А это кто? – спросил я у Седого про нового собеседника Чуева.

– Это тоже достопримечательность, можно сказать, звезда местной журналистики. Заместитель редактора нашей газеты Александр Бомберг.

– Про этого я слышал, – сказал я. – Это тот, кто все о мафии и коррупции пишет? Почитывал я пару раз его статейки. Похоже, он приобрел на них славу борца за справедливость.

– Угу, – сказал, прищурясь, Седой. – Вместе с этой славой он приобрел еще массу приятных мелочей.

– Ты о чем?

Седой не успел ответить, так как двери лифта снова раздвинулись, и из них вышел невысокий субъект с растрепанными волосами и в очках. Он был одет в серую курточку грязных тонов, а под мышкой держал кожаный портфель. Мужичок, мельком глянув на нас, нырнул в кабинет главного редактора.

– Пошли, – сказал Седой, спрыгивая с подоконника. – Нам пора.

– Это что, главный? – спросил я несколько удивленно.

– Да, – ответил Седой, открывая дверь кабинета. – Ирочка, главный у себя? – спросил он у секретарши, ехидно улыбаясь.

Секретарша демонстративно посмотрела у себя под столом и с ухмылкой ответила:

– Да, видимо, у себя. Проходите.

И мы вошли к главному редактору. Его кабинет был квадратным и находился в торце здания, поэтому окна располагались с двух сторон. В углу стоял редакторский стол и кожаное кресло.

– Василий Борисович, – сказал Седой с порога, – это мой приятель Владимир Мальков, медик. Мы о нем вчера с тобой говорили.

– Проходите, садитесь, – редактор улыбнулся, приглашая нас к столу. – Василий Борисович Гармошкин, – протянул он руку.

– Мальков Владимир Александрович, – в ответ представился я.

– Та-ак, – протянул Гармошкин. – Так-так-так...

И принялся сосредоточенно разглядывать поверхность стола.

– Ага! – наконец поймал он мысль. – Значит, так... Концепция любой газеты – вещь непостоянная и часто меняющаяся. Меняется и наша. Довольно пространных полос официоза, сводок и рапортов! Пора повернуться лицом к читателю! А ему наскучил официоз, и я уверен, что он истосковался по живой журналистике, по живому слову... Лицо газеты должно быть человеческим. Пусть на нем отражаются все краски человеческого бытия. Оппоненты говорят мне, что там могут появиться такие цвета, как коричневый... А я отвечаю – пусть и он будет представлен на страницах нашей газеты! Цвет говна и фашизма.

При этих словах Гармошкина мы с Седым переглянулись. Седой откашлялся и сказал:

– Борисыч, ты зря так издалека начал... Володька нормальный мужик, ему и по-простому можно объяснить.

– Да? – Гармошкин снова задумался и постучал костяшками пальцев по столу. – Так... Ага... В общем, нам нужен пестрый калейдоскоп информационного мониторинга, в том числе, конечно, и медицинский. Читатель должен найти для себя в газете все, что ему хочется. На разный вкус. А поскольку читатели являются зачастую и больными людьми, то их, естественно, медицинская тема очень интересует. Пусть они узнают как можно больше о болезнях и способах их лечения! Пусть они узнают о той профилактике, которую они могли бы проводить, не допуская болезни! В связи со всем вышеизложенным мы хотели бы открыть в нашей газете медицинскую колонку... Попробуйте, мой дорогой! Попробуйте!.. Исходя из нашей сегодняшней беседы я понял, что у вас получится... В конце концов, ваш товарищ опытный журналист, и он вам поможет. На всякий случай мы возьмем вас на один месяц испытательного срока. Я думаю, этого будет достаточно, чтобы выяснить все ваши творческие потенциалы.

Я не понял, исходя из чего у Гармошкина сложилось мнение о том, что у меня все получится, так как за время нашей беседы, кроме своего имени, я ничего не произнес, но в то же время я решительно пришел к выводу, что медицинская колонка газете пригодилась бы. В первую очередь самому редактору.

– Кстати, – спросил меня Гармошкин. – Леонид сказал, что вы уже не практикуете как врач. Интересно, кем же вы работали в последнее время?

– Частным детективом, – ответил я.

– Угу... Очень интересно. Врач и частный детектив, га-га-га! – живо отреагировал главный редактор. – Очень, очень смешно, – сказал он с серьезной физиономией. – Я думаю, с завтрашнего дня вы можете приступать к исполнению своих обязанностей. Курировать вас будет господин Борисов. Очень приятно было пообщаться, надеюсь, что работать будет еще приятнее.

Я молча пожал руку Гармошкину и вместе с Седым покинул кабинет.

– Слушай, – спросил я у него, когда мы снова оказались у окошка и закурили, – а он, случаем, не... того?

– Нет, он нормальный мужик. Просто поговорить любит.

– А как же он к вам попал?

Седой выпустил струю дыма и скептически посмотрел на меня:

– Так же, как и ты. Предложили, а он и согласился.

– Но все-таки должность главного редактора... – начал я было объяснять свое недоумение.

– Должность главного редактора – это номенклатурная должность, – перебил меня Седой. – А Гармошкин как раз фигура номенклатурная. Неужели ты думаешь, что пост главы газеты с тридцатитысячным тиражом могут предложить случайному человеку, никем не контролируемому?

– Понятно, – сказал я. – Должен тебе сказать, что для первого дня знакомства с газетой с меня достаточно.

– Как это достаточно?! – категорически возразил Седой. – Сейчас мы пойдем ко мне, и я буду объяснять, что ты должен будешь делать в ближайшее время как ведущий медицинской колонки.

И потащил меня в свой кабинет. Остаток дня мы с ним провели в составлении плана материалов для моей колонки на ближайшие несколько номеров газеты.

Седой отверг мое желание начать рубрику с психиатрической тематики. Мы решили остановиться на теме грядущего пляжного сезона и связанных с ним проблемах.

Ближе к вечеру в кабинете появилась разбитная деваха с копной черных кучерявых волос, одетая в джинсы и сиреневую блузку. Деваха представилась мне как Лена Капитонова. Я поднялся из-за стола и с максимальной галантностью, которую позволял мне мой большой живот, поцеловал ей ручку.

– Боже мой, какой душка! – произнесла девица с видом максимального удовлетворения.

Она плюхнулась в кресло, заложила ногу на ногу и закурила.

– Ленчик, где ты откопал такую прелесть? – спросила она у Борисова, кокетливо глядя на меня.

– Оставь в покое этого пожилого толстого мужчину, не то он разволнуется до одышки. Лучше объясни мне, старая шалава, как так получилось, что ты чуть не сорвала выпуск номера, кинув Савраскина со статьей!

– Этот старый ишак!.. – громко начала Лена и тут же с извиняющейся улыбкой посмотрела на меня, как будто речь шла обо мне. – Я что, виновата, что ли, если этот придурок заказал статью, не назвав конкретного срока? Потом выяснилось, что сдать ее нужно сегодня. А мне надо было проверить пару фактов...

– А без фактов ты ему не могла сварганить? Почему я должен за тебя отдуваться, в темпе сочиняя материал и выслушивать всякую херню?

– Ленчик! Миленький! Тебя заставили работать!.. – засюсюкала вдруг Капитонова и зачмокала губами. – Иди сюда, мамочка тебя пожалеет!

– Я с малолетками и нимфоманками дела не имею, – отрезал Седой. – А пожалеешь ты меня в следующий раз, когда будешь отдуваться за меня в таком же режиме и под таким же словесным давлением Савраскина.

– Ленчик, но ты же у нас умненький! А я живу одним днем, я такая! – Капитонова откинулась в кресле и замотала ножкой.

Седой тяжело вздохнул и отвернулся к компьютеру. «Вы здесь, похоже, все такие... – резюмировал я про себя. Подумав еще немножко, я добавил так про себя: – Вот поработаю здесь, и я таким же стану...»

– Так, думаю, что нам пора, – сказал Седой, выключая компьютер. – Все остальное завтра. Завтра с утра продолжим обсуждение, а сейчас пошли отсюда, пива попьем.

– Ой, мальчики, а можно я с вами? – бросила на нас взгляд Капитонова. – Так пива хочется.

– Пошли, но с одним условием – ты платишь за себя, – сказал Седой.

– Фу, какой ты противный! – замахала на него руками Капитонова. – Ну, подумай сам, откуда у меня деньги... на пиво?

– Меня это не волнует! Назвалась феминисткой – будь ею до конца!

– Я извиняюсь, – встрял я в милую беседу Седого с Еленой, – но ты не так давно назвал Лену нимфоманкой, а сейчас называешь феминисткой?...

Седой окинул скептическим взглядом меня, потом ироническим Елену и сказал:

– То или иное ее состояние зависит от того, есть у нее деньги или нет. Если деньги есть – она феминистка, если же нет – нимфоманка.

– Вот мерзавец! – возмущенно констатировала Капитонова. – Ты мне всю репутацию испортишь! Какого мнения будут обо мне люди?!

– Ладно, – примирительно сказал Седой. – Пошли! Угостим тебя пивом, тем более что сегодня Володька башляет.

Мы вышли втроем из кабинета и на лифте спустились вниз. Вместе с нами в лифте ехал уже знакомый мне Александр Бомберг.

Похоже, замредактора Бомберг был не слишком разговорчивый товарищ вообще. Пока лифт опускал нас с шестого этажа на первый, Капитонова умудрилась отпустить такое количество комплиментов по поводу внешнего вида и прочих достоинств замредактора, что любой зрелый мужчина обязательно одарил бы даму благодарной улыбкой. Однако Бомберг ограничился какими-то не-внятными замечаниями, которые он произнес тихим вкрадчивым голосом.

Он первым выскочил из лифта, вынимая на ходу ключи от автомобиля. Когда же мы выходили на улицу, он уже, пискнув сигнализацией, усаживался в машину.

– А журналистика, наверное, доходный бизнес, – обратился я к Седому, – если заместитель редактора может себе позволить ездить на «БМВ».

Седой внимательно посмотрел в сторону тронувшейся с места машины Бомберга и ответил:

– Любой бизнес, Вова, определенные люди могут сделать доходным.

– Ладно вам, завистники! – улыбнулась Капитонова. – Ну, пускай иномарка, но ведь не новая же... И вообще Санечка сегодня какой-то грустный, видать, неприятности у него.

Мы и представить себе не могли, насколько слова Елены окажутся пророческими. Не успели мы пройти и десяти метров от стоянки у издательства, как были потрясены звуком мощнейшего взрыва, раздавшегося позади.

С крон деревьев на нас посыпались сорванные взрывной волной листья и ветки. Все это сопровождалось звоном. Лишь секундой позже я сообразил, что это звенят стекла окон близлежащих зданий, выбитые взрывной волной. Одно из стекол упало недалеко от нас и, вдребезги разбившись, поранило Лену Капитонову. Один из осколков попал ей в ногу.

Капитонова вскрикнула, ухватившись за порезанное место, но, так же как и мы, не отрывала взгляда от завораживающего зрелища – горевшей автомашины Александра Бомберга. Автомобиль взорвался, не успев выехать на проезжую часть. Лишь по счастливой случайности взрыв не задел другой автомобиль – бежевую «шестерку», которую Бомберг пропускал, выезжая со стоянки. В момент взрыва она удалилась от «БМВ» уже на безопасное расстояние. После взрыва водитель остановил машину. Остановились также все прохожие, находившиеся в этот момент на набережной, и еще две машины поодаль. Все молча и без движения наблюдали за отчаянными всплесками пламени, вырывающимися из взорванной иномарки. Спешить на помощь пострадавшему было бессмысленно. Машина была совершенно разворочена, а водитель наверняка был уже мертв.

Наконец во мне проснулся врач, и я, оторвав глаза от ужасного зрелища, обратился к Елене:

– Покажи, что у тебя там.

Я задрал мокрую от крови штанину джинсов и осмотрел порез.

– В общем, ничего страшного. Ты чем пользуешься – тампонами или прокладками?

– Прокладками, – удивленно ответила Лена.

– Давай сюда одну.

Капитонова залезла в сумку и вытащила оттуда упаковку. Я приложил к ране прокладку и привязал носовым платком. На удивление быстро раздался вой милицейских сирен. Скорее всего, оперативно сработали сотрудники издательства, которые наблюдали за происшедшим из разбитых окон своих кабинетов. С разных сторон к издательству подъехали две милицейские машины – «уазик» и «жигуленок». Еще через минуту прибыли пожарные. Обе службы принялись заниматься своими делами: милиция отгоняла зевак, огораживая площадку по западной моде лентой с надписью «Милиция», пожарные же принялись тушить горящий автомобиль. Последними приехали мои коллеги – медицинские работники. Впрочем, делать им особо было нечего. «БМВ» Бомберга взорвался между двумя другими автомобилями, стоявшими на стоянке – «девяткой» и старым «Москвичом». Обе машины изрядно пострадали, однако именно они уберегли прохожих от последствий взрыва, приняв удар на себя.

К нам подошли два сержанта и вежливо попросили отойти в сторонку. Как очевидцам происшествия нам было предложено дать показания следственной группе. Помогая раненой Капитоновой передвигаться, мы угрюмо побрели в сторону «уазика».

Следующие несколько часов мы провели в обществе милиционеров, рассказывая о произошедшей на наших глазах трагедии. Собственно, рассказать мы смогли не очень-то много. Однако рассказ пришлось повторить несколько раз разным чинам, калибр которых с каждым часом укрупнялся. Наконец, когда на улице стемнело, а стрелка часов перевалила за полночь, милиция, опросив почти весь присутствующий на месте журналистский коллектив, завершила свою работу. Потихоньку редакция опустела.

Мы сидели втроем с Седым и Капитоновой в их комнате, из разбитых окон которой в помещение врвался свежий майский ветерок, и устало курили.

– Допрыгался Александр, – сказал наконец Седой, подводя итог затянувшемуся молчанию. – Опять влез в какое-нибудь темное дело.

– Он был классный парень и хороший журналист, – утирая слезы маленьким платочком, проговорила Елена. – Лучшим из нас...

Седой никак это не прокомментировал, лишь бросил на Капитонову хмурый взгляд, потом сказал:

– Ладно, пошли, дома будешь плакать. Время уже позднее. Завтра менты наверняка опять нагрянут... Эх, начались горячие денечки! – Седой вздохнул и поднялся с места.

Когда мы вышли из здания издательства, Борисов выразил желание проводить Капитонову домой. Я же, распрощавшись с ними, пошел неспешно восвояси. Мне жутко захотелось выпить, и я в одном из ночных торговых павильончиков на набережной купил бутылку мартини и содовую.

Придя домой, я первым делом смешал коктейль и, выпив приличную дозу, всерьез подумал о том, в какое дерьмо я попал. Черт, угораздило этого придурка Седого устроить меня на такую работу! Да и меня самого нелегкая так и подмывала влипнуть в темную историю. Однако после того как я допил коктейль, успокоив свои нервишки, решил: «Что случилось, то случилось».

ГЛАВА 3

На следующий день утром я встал поздно, так как забыл включить будильник. Собственно, я и не ставил себе целью прийти в редакцию рано.

Я не спеша позавтракал, влил в себя остатки вчерашнего коктейля и в издательство прибыл в районе часа дня. Каково же было мое удивление, когда, едва переступив порог кабинета Седого с Капитоновой, я был подвергнут раздраженным словесным атакам Седого.

– Ты где, черт возьми, шляешься? – вскочил он с места. – Или ты вообще утром на работу приходить не можешь?

Я не нашел что возразить непонятно чем раздраженному Седому и просто спросил:

– А что, собственно, случилось? Уж не покушались ли на главного редактора? Жив ли господин Гармошкин?

– Жив, – буркнул Седой. – И очень хочет тебя видеть.

– Зачем?

Седой сел за стол и сделал вид, что погружен в рассмотрение каких-то бумаг. Спустя некоторое время он поднял на меня глаза и сказал:

– Ну, в общем, есть у него к тебе разговор. Иди, сам все узнаешь.

Я не стал мешкать и направился в кабинет главного редактора.

– Добрый день, – сказал я читающей газету секретарше. – Гармошкин сейчас свободен?

– Свободен, – ответила Ирина, оторвавшись от чтива. – Ждет вас.

Очутившись в кабинете главного редактора, я застал его хозяина в весьма плачевном состоянии. Похоже, события вчерашнего вечера более чем отрицательно сказались на Гармошкине. Видать, он провел бессонную ночь, о чем говорили обширные круги под глазами. Ежик его волос поник, как колосья хлеба после града. В пепельнице уже было полно окурков. В момент моего появления Гармошкин с кем-то говорил по телефону, стараясь быть по максимуму односложным. «Да... Нет... Пока не знаю... Как только что-то будет, я тут же сообщу... Договорились... Пока». Гармошкин, скривясь, положил трубку. Физическое состояние, и этот разговор, и все окружающее его не доставляло ему никакого удовольствия. Он все делал через силу.

Тем не менее, завидев меня, он оживился.

– Я ждал вас, – начал он многообещающе, как только я устроился в кресле. – Владимир Александрович, мне нужна ваша помощь.

– Да, пожалуйста... – с готовностью сказал я. – Речь идет о моей работе?

– Да... Но не совсем в том плане, о котором мы вчера говорили. Понимаете... – Гармошкин немного помолчал, закурил, потом продолжил:– Все эти вчерашние ужасы, и все, что за этим последует... В общем...

На удивление, он никак не мог найти подходящих слов.

– В общем, все это непросто и неоднозначно. Боюсь, что эхо этого взрыва затронет многих и многое в нашей жизни...

– Василий Борисович, вы не могли бы покороче и сразу к сути дела? Я вас не совсем понимаю.

– Да-да, – сказал Гармошкин, тут же скривившись, как от зубной боли. – Я пока еще не предполагаю, где искать корни вчерашнего преступления, но считаю, что, как редактор, я имею право заказать собственное расследование происшедшего. В связи с этим прошу вас взяться за это дело. Нет-нет, не перебивайте меня! – тут же остановил он мое желание возразить. – Вчера я много думал и случайно вспомнил, что вы обмолвились о вашей прежней работе детективом. Я сначала счел, что это шутка... Но сегодня, поговорив с Леонидом Борисовым, я понял, что вы действительно классный специалист. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается

из дел, которые вы раскрыли. Я навел справки еще и по некоторым милицейским каналам. Там мне сказали, что ваша фамилия действительно фигурировала во многих громких делах. И хотя вы держались в тени, милиционеры все же подтвердили, что именно вы стояли за раскрытием всех этих дел. Поэтому я очень вас прошу, помогите мне и будьте уверены, что я в долгу не останусь.

Гармошкин закончил свою речь и как бы в подтверждение этого загасил сигарету в пепельнице.

Моим первым желанием было сразу же категорически отказаться. Однако вид Гармошкина был настолько удручающим, что я не решился сказать «нет». Наверное, главный редактор все-таки искренне переживал смерть своего сотрудника и вправе был во всем разобраться. Но я все-таки попытался отклонить предложение Гармошкина.

– Видите ли, я не хочу, чтобы вы меня поняли неправильно, – начал я. – Я не хапуга, но расследование – дело дорогое и может затянуться надолго. Я не уверен, что это вам экономически по силам...

– Да-да, – медленно покачивая головой, произнес Гармошкин. – Борисов говорил мне о ваших расценках. Думаю, что сто пятьдесят долларов в день я потянуть смогу. У меня есть полное моральное право воспользоваться резервным фондом редакции. Пока же я лично прошу вас заняться этим. Только сразу договоримся: кроме меня, вас и вашего друга Борисова, об этом знать никто не должен.

Я посидел в раздумьях минуты две-три, потом заговорил:

– Хорошо. Я согласен при следующих условиях – сто пятьдесят долларов в день плюс расходы. Однако я не могу гарантировать вам результата. Вы же оставляете за собой право прервать расследование и расторгнуть нашу договоренность в любой день.

Гармошкин взъерошил свои волосы, видимо, для стимуляции мыслительной активности.

– Хорошо. По рукам. Считайте, что с сегодняшнего дня вы на работе.

– И еще, – добавил я. – У меня есть друзья, которые иногда мне помогают в расследовании. Надеюсь, вы не будете против, если я введу их в курс дела?

– Вам виднее, – устало произнес Гармошкин. – Но обо всем в первую очередь докладывайте мне и продолжайте находиться в редакции под видом колумниста. Кстати, приказ о вашем зачислении на работу я уже подписал. Думаю, это будет для вас неплохой «крышей»...

Я кивнул головой в знак согласия и вышел из кабинета.

Зайдя в комнату к Седому, который в одиночестве сидел за компьютером, я плюхнулся в кресло и закурил.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Седой. – Договорились?

– Договорились, – сказал я.

– Ну и дурак, – сказал Седой. – В это дело лучше не ввязываться.

– Странно это слышать от человека, – бросил я на Седого злобный взгляд, – который расхваливал меня своему начальнику как частного детектива.

– А я не расхваливал. Я просто сказал правду. Что было, то было.

– Вообще, честно говоря, у него был такой вид, что я не смог отказать, – признался я.

– Ну, все правильно... Ты же у нас добрый и умный, – съязвил Седой. – И что же ты думаешь делать?

– Пока не знаю. Но, коли уж ты втравил меня в это дело, от тебя потребуются помощь.

– Да я всегда...

– Ты вчера сказал несколько странных фраз, которые надо бы расшифровать.

– Это какие же? – спросил Седой, закуривая.

– Ну, например, что ты имел в виду, когда говорил что-то о доходном бизнесе погибшего?

– Скажу тебе откровенно – никаких фактов у меня нет. Но почти все знают, что Бомберг был не только хорошим журналистом. Он умел раскапывать факты и собирать материал

по самым неожиданным и сложным делам. С другой стороны, он умел все полученные факты использовать в своих интересах. Были случаи, когда Бомберг публиковал статьи в газете, которые являлись разгромными для той или иной компании, того или иного политического деятеля или известного бизнесмена. Однако впоследствии было немало косвенных указаний на то, что эти статьи в значительной степени были выгодны конкурентам тех, на кого Бомберг наезжал. В общем, сколько я знал Александра, эти слухи за ним тянулись всегда. В конечном счете, можно на это обращать внимание, можно и не обращать – некоторые считают это просто завистью, – но Александр был состоятельным человеком. Даже при его гонорах и должности заместителя редактора сложно купить себе иномарку. Да и вообще – жил он в хорошо обставленной квартире в центре города, прилично одевался... Однако все свои дела Бомберг обделывал очень аккуратно. Скорее всего, у него есть достаточно высокие покровители. А может быть, он умело лавировал между ними. Все эти свои худшие подозрения насчет Бомберга я бы никогда не стал излагать, если бы не его смерть.

– Хорошо... – задумчиво произнес я. – Допустим, это одно из направлений. Что еще могло привести его к такому ужасному финалу? В конце-то концов он работал, если так можно выразиться, в «горячей» сфере. Наверняка не раз переходил кому-то дорогу. Такой человек не мог не иметь врагов в городе.

– Да, ты прав. Сфера поиска может быть гораздо шире. Но именно в этом направлении стоит искать преступников. Думаю, что именно преступников, так как одному организовать такое убийство сложно. Наверняка работали профессионалы-бомбисты.

– Да, похоже, что придется изучить ряд последних тем, которыми профессионально интересовался Бомберг. Чем, кстати, он в последнее время занимался?

– Я не знаю и боюсь, что мало кто знает. Во-первых, в силу специфики работы, а во-вторых, потому что Бомберг был в редакции на особом положении. Как человек известный и влиятельный в журналистских кругах, он мог себе позволить ни с кем не делиться своими планами и согласовывать с редколлегией и главным редактором лишь конечный продукт – готовые статьи.

– Ну вот, с готовой продукции мы и начнем. Никакой другой конкретики у нас пока нет, – подытожил я наш разговор.

Остаток дня я провел в редакции, изучая подшивку газеты «Горячая Волга» за последние три месяца. Это мое занятие не раз прерывалось различными незначительными событиями, происходящими в редакции. Все их, однако, объединяло то, что они были связаны со вчерашним происшествием.

Ближе к вечеру появилась Капитонова. Она побывала в милиции и теперь сообщила нам, что по делу Бомберга сформирована следственная бригада и что нас троих завтра вызывают на беседу. По имеющейся информации, пока что следствие не предприняло никаких конкретных действий.

На заседании редколлегии было принято решение о выпуске специального номера газеты, посвященного убитому коллеге. В коридоре повесили большой портрет Бомберга в траурной рамке, а весь журналистский коллектив приступил к формированию спецвыпуска. Кто-то писал обширный некролог, кто-то работал над биографической статьей, кому-то был поручен материал о криминальной ситуации в городе.

К вечеру коллектив редакции собрался на общее собрание в комнате секретариата. Пришел на него и я. Председательствовали трое: Гармошкин и еще двое мужчин, которых я раньше не видел. Пока Гармошкин открывал собрание речью о случившемся и делился последней информацией о ходе начавшегося следствия, я шепотом попросил Седого рассказать кто есть кто.

– Тот мужчина, справа от редактора, – он указал на маленького смуглого, похожего на цыгана мужичка в очках, – заместитель редактора по гуманитарным вопросам Сергей Пыжи-

ков. А слева, – Седой показал на хмурого плотного мужчину с гладко зачесанными волосами, подпирающего лицо сцепленными руками, – коммерческий директор газеты Борис Кострюков. – Он, кстати, тоже пострадавший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.